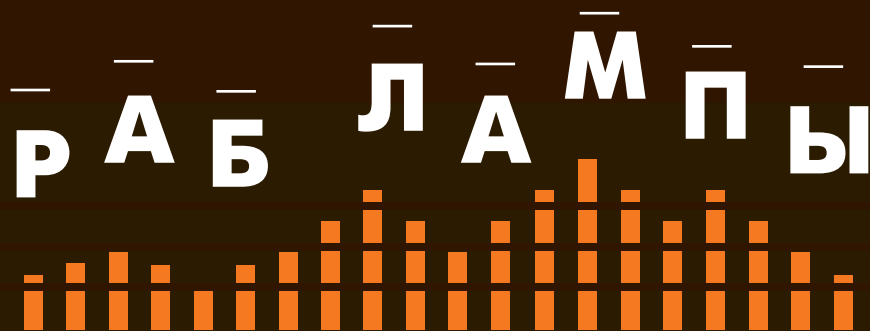

Текст: Артур Фурунджян Фото: Юлия Пономарева

Мы все глубже погружаемся в мир вторичных образов. Фраза «вкус, идентичный натуральному» становится привычной, и укрытий от этой «идентичности» с каждым годом все меньше и меньше. Одно из последних - аудиотехника класса High End. Это всегда персонифицированные изделия, каждое из которых несет четкий отпечаток видения (точнее, «слышания») своего автора – словно музыкальный инструмент эпохи Ренессанса.

DE I встретился с патриархом русского High End, автором легендарных ламповых усилителей и пространственных акустических систем «Валанкон» Валентином Костиным. Разговор шел о психоакустике и мятном сиропе, языке птиц и эмоциональных дезодорантах, а также о том, что вызывает детский восторг у президента Медведева.

DE I: Валентин Николаевич, чем объясняется феномен «лампового долгожительства»? На наших глазах возник новый электронный мир, выбор развлечений в нем колоссальный. Почему же такая, можно сказать, допотопная технология как ламповая не умирает под натиском цифровой техники? Едва вступив в эпоху информационного общества, мы уже не знаем, куда деваться от избыточной информации. В нас усиленно культивируют «клиповое» мировосприятие – кусочно-поверхностное, без проникновения в суть вещей. Неспроста ведь в многочисленных «школах выживания» есть и такой предмет, как защита от информации! Подсознательно мы стараемся противостоять зомбированию, ищем чего-то такого, за что можно было бы мысленно зацепиться в информационной круговерти. И чем сильнее ускоряется технический прогресс, тем нужнее нам эти «реперные точки» - для того, чтобы не утратить ориентиры и ощущение твердого грунта под ногами. Традиции, мораль, классическое искусство, все то, что проверено временем, придает смысл нашему движению вперед. Чтобы не заблудиться, мы должны помнить не только куда, но и откуда мы идем. И время от времени нам позарез необходим эмоциональный привал. А роль такого привала в числе прочего (весьма небольшого) играет ламповая техника, способная зву-

чать естественно и живо – конечно, не сама по себе, а как средство воспроизведения музыки. Пускай в скромных масштабах, пускай не для всех, но все же, не будь этого островка остановившегося времени, наверное, многим стало бы чуточку уютнее.

DE I: Иными словами, когда вокруг вся техника легкая, портативная, универсальная и обезличенная, хочется чего-то солидного, стационарного и персонафицированного? Умеющего делать что-то одно, но – мастерски?

Да! Лампы, эта архаичная, не поддающаяся автоматизации технология. Но она обходится с музыкой бережно, как с ребенком. Впрочем, не с каждой музыкой ламповый усилитель ведет себя одинаково. А без музыкального контента, который лампы воспроизводят с такой потрясающей эмоциональной ясностью, смысла в них при всей их внешней экстравагантности было бы не больше, чем в лампах керосиновых. Вот типичная картина наших дней: автомобили с MP3-плеерами, наштапованными сотнями треков,

бы смаковать аудиоделикатесы нужна неторопливость и степенность. Вряд ли кто-то станет спорить с тем, что престижный ресторан лучше привокзальной забегаловки не только разнообразием меню и качеством исходных продуктов. А то, что верно в отношении физической пищи, без всяких натяжек можно экстраполировать на духовную. Так вот: ламповая техника, совершенно неуместная в портативном плере, просто незаменима в стационарных системах, предназначенных именно для «смакования» серьезной музыки с глубинным восприятием содержания.

DE I: А откуда вообще берутся радиолампы в двадцать первом веке? Неужели их кто-то еще делает?

Заводов, производящих радиолампы, осталось немного, но они есть. В основном, в России, откуда их импортируют на Запад, где выпускается аудиотехника High End, которая имеет пусть небольшую, но стабильную аудиторию. В основном это продвинутые меломаны, ценящие ламповый звук за теплоту, открытость и некий, я бы сказал, романтический флер.

Лампы, эта **архаичная**, не поддающаяся автоматизации технология, **обходится с музыкой бережно**, как с ребенком

пешеходы, снующие в суете городского муравейника с проводками от айподов в ушах. По этим проводкам в их мозг сочится то, что некогда претендовало на роль нашей пищи духовной – музыка. Духовная пища низводится до уровня жвачки, которую в любой момент можно просто выплюнуть, когда из нее вымоется мятный сироп и во рту появится привкус резины.

DE I: Похоже, вы не очень жалуете то, что слушает сегодня большинство. «Валанкон» – это для избранных?

Сегодня музыка все чаще выполняет роль «эмоционального дезодоранта» для виртуальной капсулы, в которой мы тщимся хоть как-то спрятаться от окружения себе подобных, ощутить капельку одиночества посреди толпы. Современная поп-музыка в массе своей вряд ли заслуживает чего-то большего, чем MP3. Но исполнительское искусство величайших мастеров, большинство которых уже переселились в мир иной, доступно в записях (тем, кто предпочитает академическому искусству более современные жанры, напомним, что золотая эра джаза и рока тоже далеко позади). А вся полнота воздействия музыки реализуема только в соответствующей обстановке. Что-

Такой звук прекрасно «ложится на уши», передавая заложенные в музыке эмоции с особым шармом.

DE I: То есть, транзисторная аппаратура звучит хуже?

Формально нет, а в некоторых случаях и по отдельным показателям даже лучше – нейтральнее, динамичнее. Громче, в конце концов. Но лишь немногие транзисторные усилители, выигрывая у ламповых «по очкам», могут сравниться с ними по совокупному результату, который определяется степенью удовольствия человека от прослушивания любимой музыки. По формальным показателям транзисторная аппаратура всегда превосходит ламповую. Так в чём же дело? Не вдаваясь в технические детали, скажу так: в какой-то степени звук искажает любая радиоаппаратура, но искажения, создаваемые лампой, более комфортны для нашего слуха.

DE I: Может быть, секрет удовольствия, о котором вы говорите, кроется еще и во внешнем антураже? Плюс история. Плюс немалая цена...

Внешний антураж, история и цена, безусловно, создают вокруг ламповой аудиотехники ореол элитар-

ности. Но еще важнее образ, который за ней скрывается. Это образ чего-то, живущего вне времени, не подверженного привычной смене стилей и тенденций. Сегодня мало что так же сильно, как лампы, контрастирует с засильем электронных устройств, которые даже обладают неким подобием интеллекта. Но... Знаете, все это могло вызывать восхищение лет тридцать-сорок назад, а теперь, когда мы всю пользуемся так называемыми «гаджетами», мы успели к ним привыкнуть и уже ничему не удивляемся. Если через десять лет сотовый телефон можно будет имплантировать в зуб, мы и это воспримем без изумления. Однако когда я смотрю в глаза людей, впервые слушающих музыку через мой усилитель, я часто вижу в них детский восторг. Ведь и неискушенный человек легко отличает ламповое звучание от транзисторного — даже если не видит, какая аппаратура включена. Более того, даже один ламповый компонент, включенный в транзисторный «тракт», привносит в звучание особый, легко узнаваемый оттенок.

DE I: Вы сконструировали свой первый ламповый усилитель после многолетних исследований психоакустики в Институте Психологии АН СССР? Каким образом научная работа переросла в «железо»?
Психоакустика - наука, изучающая психологические и физиологические особенности восприятия звука

человеком. Попытки соотнести наши слуховые ощущения и физические параметры аудиотехники предпринимались и до меня. Этот вопрос висел в воздухе, но ответить на него, не прибегая к «пограничным» знаниям, долгое время никому не удавалось – ни в нашей стране, ни на Западе. Рекламные статьи в журналах об аудиотехнике пестрели цифрами - диапазон частот, коэффициент нелинейных искажений и т.д., и т.п. Считалось, что если эти показатели у того или иного аппарата лучше, то он и звучит лучше. Теперь на подобные цифры просто не обращают внимания – это считается дурным тоном. А дело в том, что четкой зависимости между ними и субъективно оцениваемым качеством звучания музыки не существует. Более того - частенько аппарат звучит тем лучше, чем хуже его объективные показатели!

Не скажу, что мои исследования в области субъективного восприятия звуковых образов позволили сделать какое-то суперважное открытие, они лишь подтвердили некоторые догадки и показали направление, куда двигаться дальше. Но с началом перестройки финансирование прекратилось, и тайна так и осталась тайной. Может быть, это и не так уж плохо. Ведь уже не раз слишком самонадеянные попытки поверить алгеброй гармонию в лучшем случае заканчивались ничем, а в худшем – полным замещением гармонии алгеброй... Впрочем, сама по себе стратегия выхода за пределы чистой инженерии в сопредельную область знаний не вызывает сомнений: в основе современных технологий цифровой обработки звука лежит именно психоакустика.

DE I: Наш слуховой аппарат обладает очень высокой чувствительностью. Существует ли такое понятие как экология звука?

Конечно. На мой взгляд, это максимальная приближенность искусственного звукового поля, которое мы создаем с помощью аппаратуры, к натуральному звуку. Ведь что такое усилитель? Ламповый, транзисторный – неважно. Это лупа, которая должна укрупнять масштабы объектов записи, не нарушая их пропорций. Однако даже самые точные оптические приборы, как известно, слегка искажают предметы. Но неизбежные «диспропорции» звука, появляющиеся в ламповых усилителях, каким-то чудесным образом не затрагивают самого главного - неуловимого и деликатного эмоционального посыла. Чем естественнее звук, тем меньше утомляемость нашего психофизического аппарата, тем меньше энергии мы тратим на восстановление утерянной и коррекцию искаженной звуковой информации. Эти процессы оттягивают наши силы от главного – наслаждения гармонией, растворенной в музыке. Хорошая аппаратура (будем

считать, что ламповая) при этом выполняет не только «увеселительную» роль, но и в известном смысле воспитательную. Приобщившись к хорошему звуку, люди начинают больше интересоваться музыкой, постепенно приобщаются к серьезным ее жанрам, испытывая от прослушивания несоизмеримо более возвышенные чувства. В этом смысле хороший ламповый усилитель я бы не побоялся назвать средством от «духовной импотенции»!

DE I: Если техника ламповая, это не значит, что она хороша априори. Как сделать так, чтобы лампа «заиграла», причем именно по-вашему?

Необходимое (хотя и недостаточное) условие – опыт, интуиция и увлеченность, граничащая с фанатизмом. А дальше – отбор компонентов, поиск их выигрышных комбинаций, словом — магия. Ну, и немного везения, конечно.

DE I: Мы говорим о ламповой технике как о технике «живого звука», говорим о натуральности звучания. Все это хорошо, но в чем магия? Ведь сама по себе натуральность так не завораживает...

Магия, как и дьявол, кроется в деталях. В каких именно, до конца неизвестно, иначе это была бы не магия. А завораживает сама музыка, когда она производится предельно близко к оригинальному со-

дей определенных звуковых клише - даже птицы в разных частях света поют разными голосами. Однако по мере развития глобализации стираются различия в звучании аппаратуры, и сегодня понятия типа «английского звука» постепенно переходят в область рекламных трюков.

DE I: Русские «хай-эндщики» – это меломаны, аудиофилы или просто чокнутые «самоделкины»? Зачем они вообще всем этим занимаются, если проще зарабатывать на импорте хорошо себя зарекомендовавших мировых брендов? Что у наших инженеров получится лучше, чем у зарубежных коллег, и почему?

Слава Богу, среди наших инженеров еще остались те, кто не мыслит себя без творчества и не собирается перерождаться в банальных слугителей Маммоны. Конечно, уровень образования некоторых русских «самоделкинских» оставляет желать лучшего, очень много в сфере аудио разного рода «алхимиков», и не всегда можно понять, пытаются ли они обмануть кого-то другого или обманываются сами. Тем не менее, русские инженеры в эпоху глобализации, не будучи в состоянии соревноваться с иностранными коллегами во многом (например, в области цифровой обработки), лучше сохраняют творческую индивидуальность. Что очень важно, ведь конструирова-

В любой инструмент можно привнести любовь. И не только музыку наполнить любовью, но и тишину

бытию, со всеми деталями исполнительской индивидуальности. К сожалению, значительные потери эмоциональной составляющей ощутимы уже при минимальных потерях, если так можно выразиться, «органолептических» составляющих звука: аппаратура может звучать идеально, но душу не трогать. Душа музыки уходит раньше, чем появляются различимые на слух искажения. Это как тот самый флогистон, который ученые-химики когда-то считали «материей огня». Летучий, неуловимый и на самом деле не существующий, но создавший яркий образ.

DE I: Есть ли у русского хай-энда свое лицо, свое звучание - наподобие известному всем аудиофилам «английского звука»?

У каждого народа есть свой «акцент», свои особенности звукового восприятия. Это объясняется различиями языков. Уже сама по себе фонетика не может не сказываться на формировании в сознании лю-

ние аппаратуры класса High End сродни изготовлению авторских музыкальных инструментов. А вымывание личностной составляющей неизбежно ведет к деградации этой части технической культуры.

DE I: Лампа имеет будущее?

Знаете, в 2007 году мы устанавливали домашний кинотеатр «Валанкон» президенту Медведеву (тогда он был еще вице-премьером). И он, известный ценитель High End Audio, — имея в виду то, чем мы занимаемся, — восхищенно сказал: «Это не должно пропасть!». Я тоже в это верю. Лампы — ровесники золотой эры звукозаписи, эпохи расцвета джаза и рока, свидетели вошедших в историю искусства концертов великих классических музыкантов. И до тех пор, пока полупроводники не научились звучать так же легко, воздушно и комфортно, для нас, «рабов лампы», останется пусть маленький, но очень уютный островок. **del**

